

История РЫЦАРЕЙ • ТАМПЛИЕРОВ

Ч. Дж. АДДИСОН

Традиция, религия, культура

Чарльз Аддисон

**История рыцарей-тамплиеров,
церкви Темпла и Темпла**

«ИП Карелин»

Аддисон Ч. Д.

История рыцарей-тамплиеров, церкви Темпла и Темпла /
Ч. Д. Аддисон — «ИП Карелин», — (Традиция, религия,
культура)

Тема таинственных рыцарей тамплиеров исключительно популярна у русского читателя. На этот раз мы предлагаем вашему вниманию весьма интересный труд, написанный Чарльзом Дж. Аддисоном, историком и юристом, барристером Кента, членом Внутреннего Темпла – и в какой-то мере наследником традиций и духа тамплиеров. Книга включает подробную историю ордена, с его создания до истории преследования и гибели тамплиеров. Отдельная часть посвящена истории ордена тамплиеров в Англии и Шотландии, в том числе рассказывает о дальнейшей судьбе тамплиеров, их общин и главной лондонской резиденции – Темпла. Книга Чарльза Аддисона не только написана увлекательно и читается как исторический роман, но и является ценным историческим источником, поскольку автор широко цитирует труды средневековых и более поздних историков и хронистов.

© Аддисон Ч. Д.

© ИП Карелин

Содержание

Предисловие	6
Глава I	9
Глава II	15
Глава III	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

**История рыцарей-тамплиеров,
церкви Темпла и Темпла, написанная
Чарльзом Дж. Аддисоном,
эсквайром из Внутреннего Темпла**

*Старейшинам почетных корпораций Внутреннего и Среднего
Темпла, восстановившим древнюю церковь тамплиеров, с уважением
посвящает этот труд автор.*

Переводчик выражает глубокую признательность Марине Владимировне Винокуровой, Сусанне Карленовне Цатуровой и Насе Ивановой за помощь при переводе текста.

Предисловие

Удивительная и романтическая история тамплиеров, их подвигов и их бед представляет особый интерес.

Их орден, рожденный первым воодушевлением крестовых походов, восхваляли и превозносили, пока их военная сила и религиозный фанатизм могли служить поддержкой для восточной церкви и защитой для Святой земли. Но когда Полумесяц в конце концов одержал верх над Крестом, когда воинствующий религиозный пыл христианства угас, они познали величайшую неблагодарность тех, кто по справедливости должен был быть их покровителями и сторонниками. В награду за услуги, которые они оказали христианской вере, их подвергли преследованиям, ограбили и приговорили к страшной смерти. Память об этих святых воинах осталась в истории крестовых походов; они были оплотом Латинского королевства в Иерусалиме в недолгий период его существования и последним отрядом европейского воинства, который отстаивал владения христиан в Палестине.

К монашеским обетам и суровому монастырскому уставу тамплиеры добавили строгую дисциплину военного лагеря и обязанности воинской жизни, соединяя

Высокое призвание меча и копья
с великими усилиями и изнурительными тяготами
жизни бедных братьев, которые ходят по земле
сострадавая.

Расхожее мнение, что тамплиеры были столь же развращены, сколь бесстрашны и смелы, еще не полностью опровергнуто; но есть надежда, что детальное изложение истории преследований ордена в нашей стране, данное в IX и X главах этой книги, поможет разрушить много необоснованных предвзятых взглядов в отношении братства и заставит читателя восхищаться их твердостью и смелостью, а также сожалеть об их незаслуженно горькой судьбе.

Матфей Парижский, писавший в монастыре Сент-Олбанс о событиях в Палестине, сообщает, что разногласия между тамплиерами и госпитальерами часто выливались в открытые столкновения, к стыду всего христианского мира, и что в жестоком сражении, разыгравшемся между ними, тамплиеры погибли все до последнего человека. Единичному свидетельству Матфея Парижского, который не испытывал симпатий ни к одному из орденов, противоречит молчание историков, писавших по горячим следам событий, очевидцами которых они сами были, и совершенно ясно из писем папы, адресованных госпитальерам через год после этой предполагаемой битвы, что ничего подобного не происходило.

Свидетельства даже лучших старинных авторов нельзя принимать на веру без тщательного сопоставления с другими источниками. Например, Гийом Тирский сообщает нам, что Насреддин, сын султана Аббаса, попал в плен к тамплиерам и обратился в христианство; что он начал изучать латынь и искренне пожелал креститься, но тамплиеры за шестьдесят тысяч золотых согласились предать Насреддина его врагам в Египте на верную смерть; и спокойно наблюдали, как его сковали цепями по рукам и ногам, поместили в железную клетку и повезли через пустыню в Каир. Однако арабские историки этого периода сообщают, что Насреддин и его отец убили халифа и бросили его тело в колодец, а затем бежали со своими приспешниками и сокровищами в Палестину; что сестра убитого халифа немедленно написала военачальнику крепости в Газе, которую держал гарнизон тамплиеров, предлагая большую награду за поимку беглецов; что они были таким образом схвачены, и Насреддина отправили в Каир, где родственники халифа приказали разрубить в серале его тело на мелкие куски. Эта история посто-

янно становилась поводом для тяжелых обвинений в адрес тамплиеров; но несколько иначе она выглядит в изложении арабских авторов!

Нужно помнить, что Гийом, архиепископ Тирский, был настроен враждебно к ордену, пользовавшемуся такой большой властью и множеством привилегий, и направлял жалобы церковному собору в Риме. Его институции в адрес братства полностью опровергает Жак де Витри, епископ Акры, образованный и талантливый прелат, который писал свои сочинения в Палестине после Гийома Тирского и в значительной степени пользовался свидетельствами последнего. Епископ Акры говорит о тамплиерах в самых возвышенных выражениях и заявляет, что их любили все за их милосердие и благочестие: «Nulli molesti errant, sed ab omnibus propter humilitatem et religionem amabantur» («Они не были слабыми, но все их любили за их смирение и благочестие»).

Знаменитый востоковед фон Хаммер недавно выдвинул различные странные и необоснованные обвинения против тамплиеров, никак не подкрепленные свидетельствами источников; а Вильке, написавший на немецком языке историю ордена, по-видимому, впитал все расхожие обывательские предубеждения против братства. Я мог бы, дабы вызвать дополнительный интерес к своему труду, изобразить тамплиеров ужасными и жестокими злодеями; но я стремился написать честную и непредвзятую историю ордена, не следуя рабски всему, что я находил у старинных авторов, но приводя только те факты, которые после тщательной проверки по другим надежным источникам я счел правдивыми.

Нас можно поздравить с тем, что у нас в Лондоне находится самый прекраснейший и совершенный памятник ордену тамплиеров, какой только существует ныне – церковь Темпла. Никто из тех, кто видел это здание в его прежнем одеянии из извести и побелки, не узнает его после реставрации, возвратившей ему его бывшее величие. Это древнее сооружение почиталось за одно из главных церковных зданий тамплиеров в Европе и по своему статусу немногим уступало иерусалимскому Храму. Поскольку я совершил паломничество в священный город и бродил среди построек древней обители тамплиеров на горе Мориа, я не мог не следить с живым интересом за реставрацией корпорациями Внутреннего и Среднего Темпла прекрасной тамплиерской церкви.

Они проявили величайшее рвение и энергию в этом достойнейшем предприятии, и не остановились ни перед какими затратами, чтобы залечить раны, нанесенные временем, и вернуть зданию тот облик, какой оно имело во времена тамплиеров.

Летом я имел удовольствие сопровождать одного из самых преданных энтузиастов реставрации церкви мистера Бурджа во время осмотра церкви, и по его предложению была начата эта работа. Боюсь, что она едва ли оправдает его надежды, и сожалею, что такая интересная задача не выполнялась более подходящей рукой.

Темпл, 17 ноября 1842

P. S. Мистер Уилмент, который готовит замечательные витражи для Темпл-Черч, обратил мое внимание на девятнадцатый том «Memoires de la societe Royale des Antiquaires de France», опубликованный в прошлом году. Он содержит выполненное шевалье де Фреманвиллем любопытнейшее описание церкви в Брельвенне, в департаменте Кот-дю-Нор, предположительно принадлежавшее ордену тамплиеров. Среди различных гербов, крестов и символов, найденных на окнах и на надгробьях в церкви, имеется медный медальон, который, по-видимому, висел на шее на цепочке. На нем изображен круг, внутри которого помещены два равносторонних треугольника, образующих шестиконечную звезду. В середине звезды другой круг, внутри него агнец (эмблема тамплиеров), держащий стяг в передней ноге, похожий на того, которого мы видим на печати ордена, изображенной на титульной странице этой работы. Мистер Уилмент сообщил мне, что он получил предложение от некоего господина из Бретани прислать слепки украшений и гербов, ранее найденных в этой церкви. Он любезно переслал

мне это письмо для ознакомления, но я счел неуместным задерживать публикацию ради того, чтобы посмотреть на них.

Мистер Уилмент также обратил мое внимание на изображение на реверсе печати, описанное на стр. 97, где я прочел интересный девиз «TESTIS SUM AGNI» («Я есть свидетель Агнца»).

Глава I

*...Тогда со всех концов родной страны
Паломников бесчисленных вереницы
Мощам заморским снова поклониться
Стремилась истоиво¹.*

Удивительная, романтическая история создания ордена тамплиеров, этого воинственного братства, члены которого столь странно сочетал в себе черты монахов и воинов, такова.

После чудесного обретения Гроба Господня императрицей Еленой, матерью Константина, примерно через 298 лет после смерти Христа, и после того, как по повелению первого императора-христианина на этом священном месте был возведен величественный храм Воскресения, или, как его теперь называют, храм Гроба Господня, в Иерусалим хлынул поток паломников, и число их росло по мере того как христианство распространялось по всей Европе. Когда священный город пал под натиском арабов (637 г. н.э.), привилегии и безопасность христианского населения были обеспечены следующим документом, выпущенным от имени халифа Омара и заверенным его печатью, и переданным патриарху Софронию.

От Омара «Эбно'ль Алькитаб» жителям Аэлии

Да будут охраняемы и оберегаемы как их жизнь, так их состояние, и их церкви никогда не должны быть разрушены или использованы кем-либо, кроме них².

В период правления арабов количество паломников продолжало расти; стар и млад, женщины и дети толпами стекались в Иерусалим, а в 1064 году Гроб Господень посетила восторженная толпа из семи тысяч пилигримов под предводительством архиепископа Менцкого и епископов Утрехтского, Бамбергского и Ратисборнского³. На следующий год, однако, Иерусалим был захвачен дикими турками-сельджуками. Триста горожан были зверски убиты, а наследственное право на управление Иерусалимом и его округой было передано эмиру Ортоку, вождю дикого кочевого племени.

Под железной пятой этих свирепых северных пришельцев христиане жестоко страдали; их изгнали из их церквей; богослужения осмеивались и прерывались; а патриарха Иерусалимского оттащали за волосы на паперти храма Воскресения и бросили в башню, чтобы выторговать выкуп у любящей его паствы. Пилигримов, которые, преодолевая бесчисленные опасности, достигали врат Иерусалима, грабили, бросали в темницу и часто убивали; за доступ к Гробу Господню требовали *aureus*, золотой слиток, и многим паломникам, неспособным заплатить такую цену, мечи сельджуков преградили путь к цели их упований, в самом конце их долгого пути, и они были вынуждены повернуть слабые стопы в печали и муке к далекому дому⁴. Печальные вести об осквернении святых мест, об угнетении и жестокости турок всколыхнули религиозное рыцарство христианских земель: «был затронут самый трепетный нерв, и чувство проникло в сердце Европы».

¹ Дж. Чосер. Кантерберийские рассказы. – М., 1973. – С. 33. Пер. И. Кашкина.

² Elmacin. Hist. Saracen. Eutychius.

³ Ингульф, секретарь Вильгельма Завоевателя, один из паломников, утверждает, что он отбыл из Нормандии с тридцатью товарищами, дородными и доблестными рыцарями, а назад вернулось двадцать несчастных пилигримов с посохами в руке и котомками за спиной – Baronius ad ann., 1064, № 43, 56.

⁴ Will. Tyr., lib. I, cap. 10, ed. 1564.

Тогда и родилось яростное воодушевление крестовых походов; люди всех социальных слоев, даже монахи и священники, вдохновившись призывами папы и проповедями Петра Отшельника, брались за оружие дабы внести свою лепту в «благочестивое и славное дело» спасения Гроба Господня от языческой скверны.

Когда весть о взятии Иерусалима крестоносцами (1099) пришла в Европу, паломническое рвение вспыхнуло с новой силой; оно ощущалось особенно остро после перерыва, вызванного владычеством жестоких сельджуков, и толпы мужчин и женщин, старцы и дети, девицы и матроны, думая, что путь открыт и путешествие возможно, устремились к священному городу со страстным желанием узреть истинные реликвии Воскресения⁵. Неверные действительно были изгнаны из Иерусалима, но не из Палестины. В высоких горах, окаймлявших побережье, действовало множество отрядов бежавших мусульман, эти дерзкие воинственные группы обосновались в неприступных горных убежищах и отсюда совершали вылазки на дороги. Тем самым они фактически перекрывали сообщение между Иерусалимом и морскими портами и мстили за потерю своих жилищ и собственности, грабя всех без разбора путешественников. Бедуинские всадники, кроме того, совершали набеги из-за Иордана; на равнинах то и дело происходили стычки, и пилигримы вследствие этого, направлялись ли они к Иерусалиму морем или сушей, подвергались почти ежедневно опасности быть ограбленными или убитыми.

Чтобы отвести угрозу, нависшую над паломниками, чтобы уберечь честь безгрешных дев и матрон⁶ и защитить седины почтенных старцев, девять благородных рыцарей основали святое братство по оружию и торжественно поклялись помогать друг другу в очистке дорог от неверных и от грабителей и в защите паломников на дорогах и в горах на пути в Иерусалим. Воспламененные религиозной страстью и воинственным пылом тех дней и воодушевленные сознанием того, что мечи их служат святому делу, они назвали себя «Бедными рыцарями Иисуса Христа». Они отказались от мира и его соблазнов и в святом храме Воскресения, в присутствии патриарха Иерусалимского принесли обеты целомудрия, смирения и бедности, подобно монахам⁷. Объединив в себе два самых ценных качества своего века: благочестие и силу – и использовав их на самое почтенное дело: защиту паломников и пути к Гробу Господню, – они быстро достигли широкой известности и удостоились величайших похвал.

Вначале, насколько нам известно, у этих рыцарей не было своей церкви и собственного постоянного жилища, но в 1118 году (через 19 лет после захвата Иерусалима крестоносцами) в знак признания их заслуг перед всеми христианами, Балдуин II, король Иерусалимского королевства, пожаловал им для жительства священные земли на территории храма на горе Мориа, среди тех величественных построек, возведенных частично императором Юстинианом, а частично халифом Омаром, которые иерусалимские монахи и священники (чье неумное рвение побуждало их, злоупотребляя доверием пилигримов, умножать число реликвий и

⁵ Omnibus mundi partibus divites et pauperes, juvenes et virgines, senes cum junioribus, loca sancta visitaturi Hierosolymam pergerent. – Jac. de Vitriaco. Hist. Hierosol. (Hist. Orient.), cap. 65.

⁶ «Дабы облобызать священные памятники, – пишет Гийом Тирский, – шли святые и благочестивые вдовы, забыв свой женский страх и множество опасностей, подстерегавших их в пути». – Lib. XVIII, cap. 5.

⁷ Quidam autem Deo amabiles et devoti milites, charitate ferventes, mundo renuntiantes, et Christi se servitio mancipientes in manu Patriarchae Hierosolymitani professione et voto solenni sese astrinxerunt, ut a praedictis latronibus, et viris sanguinum, defenderent peregrinos, et stratas publicas custodirent, more canonicorum regularium in *obedientia et castitate et sine proprio* militaturi summo regi. (Некоторые же воины, набожные и преданные Господу, любовью своей движимые, оставили мир; и посвятив себя делу Христову, в присутствии патриарха Иерусалимского принесли торжественную клятву и дали обет, что станут защищать паломников от лютых разбойников и охранять дороги, и будут блюсти с величайшим рвением церковные предписания относительно послушания, целомудрия и отсутствия собственности.) – Jac. de Vit. Hist. Hierosol., apud Gesta Dei per Francos, cap. LXV, p. 1083. – Will. Туг., lib. XII, cap. 7. Было три разных обета бедности. Первый и самый строгий (*altissima*) запрещал обладание какой бы то ни было собственностью. Второй (*media*) запрещал обладание частной собственностью, но позволял некоторое количество имущества, если им владело братство в целом. Самый мягкий позволял собственность на определенные вещи, такие, как еда и одежда, все же остальное считалось общим. Тамплиеры приняли второй обет.

святынь) выдавали за «храм Соломона». В результате бедные рыцари Христа отныне стали именоваться «рыцарями храма Соломона»⁸.

Сделаем несколько замечаний, разъясняющих название «тамплиеры», или «рыцари Храма».

Мусульмане всегда относились к великому иудейскому Храму на горе Мориа с особым почитанием. Магомет в первый год после появления Корана предписал своим последователям во время молитвы обращаться лицом к этому святому месту, и верные мусульмане постоянно совершали паломничества туда. Когда Иерусалим был завоеван арабами, халиф Омар первым делом восстановил «Храм Господень». С помощью своих главных военачальников предводитель правоверных совершил благочестивые деяния: он расчистил землю собственными руками и наметил основания величественной мечети, чей темный и высокий купол венчает вершину горы Мориа⁹.

Величайший молитвенный дом, самый священный мусульманский храм в мире после Мекки, возвышается на том месте, где «Соломон начал строить дом Господень в Иерусалиме на горе Мориа, где Господь явился Давиду, его отцу, на месте, где Давид готовился у гумна Орны Иевусянина»¹⁰. Эта мечеть прекрасно сохранилась до наших дней и является одним из лучших творений сарацинской архитектуры. В нее ведут четверо широких ворот, обращенных к четырем сторонам света: Баб-эль-Джаннат, или Ворота сада, смотрят на север; Баб-эль-Кыбла, или Ворота молитвы, – на юг; Баб-ибн-эль-Дауд, или Ворота сына Давидова, – на восток; и Баб-эль-Гарби – на запад. Арабские географы называли ее Бейт-Алла, Дом Господень, а также Бейт-Альмокаддас, или Бейт-Альмакд, святой Дом. Отсюда Иерусалим получил свое арабское название Эль-Кодс («священный»), Эль-Шариф («благородный»), и Эль-Мобарек («благословенный»); тогда как правители города, вместо обычных звучных титулов провозглашающих их власть и независимость, носят простое имя Хами, «хранители».

После завоевания Иерусалима крестоносцами полумесяц был сброшен со шпиля знаменитого мусульманского храма и заменен огромным золотым крестом, а в здании после освящения стали проводить христианские богослужения, но оно сохранило свое простое название «храм Господень». Гийом, архиепископ Тирский и канцлер Иерусалимского королевства, дает интересное описание этого знаменитого сооружения таким, каким оно существовало в его время, на протяжении всего периода латинского господства. Он говорит о великолепных мозаиках, об арабских надписях, сообщающих имя основателя мечети и стоимость ее постройки, и о знаменитом камне, расположенном ровно под центром купола, который до сих пор мусульмане показывают как то место, где стоял ангел разрушения «с обнаженным мечом в руке, простертой над Иерусалимом»¹¹. Этот камень, как пишет Гийом Тирский, оставался в своем пер-

⁸ Pantaleon, lib. III, p. 82.

⁹ D'Herbelot. Bib. Orient., p. 270, 687, ed. 1697. Гийом Тирский, который жил в Иерусалиме вскоре после завоевания города крестоносцами, сообщает нам, что халиф Омар попросил патриарха Софрония показать ему место расположения храма, разрушенного Титом, и когда это было сделано, халиф сразу начал строительство на этом месте новой мечети, «которую по прошествии недолгого времени, после благополучного завершения своих трудов, плоды которых и поныне можно узреть в Иерусалиме, наделил бесчисленными дарами» (quo postea infra modicum tempus juxta conceptum mentis suae feliciter consummato, quale hodie Hierosolymis esse dinoscitur, multis et infinites ditavit possessionibus). – Will. Tyr., lib. I, cap. 2.

¹⁰ 2 Цар. 23:16. – Прим. пер.

¹¹ Erant porro in eodem Templi aedificio, intus et extra ex opere musaico, Arabici idiomatis literarum vetustissima monimenta, quibus et auctor et impensarum quantitas et quo tempore opus inceptum quodque consummatum fuerit evidenter declaratur... In hujus superioris areae medio Templum aedificatum est, forma quidem octogonum et laterum totidem, tectum habens sphericum plumbo artificiose copertum... Intus vero in medio Templi, infra interiorem columnarum ordinem rupes est etc... (Здания Храма украшала, внутри и снаружи, мозаика и памятная надпись древними арабскими символами, в которой были указаны точно имя зодчего, и расходы, и время начала работы и ее окончания. В центре, на этой вершине расположено здание Храма, восьмиугольное по форме и с таким же числом стен, со сферическим куполом, искусно покрытым свинцом. Внутри, точно в центре Храма, под нижним рядом колонн находится скала...) – Will. Tyr., lib. I, cap. 2, lib. VIII, cap. 3. In hoc loco, supra rupem quae adhuc in eodem Templo consistit, dicitur stetit et apparuisse David exterminator Angelus... Templum Dominicum in tanta veneratione habent Saraceni, ut nullus eorum ipsum audeat aliquibus sordibus maculare; sed a remotis et longinquis regionibus, a temporibus Salomonis

возданном виде еще пятнадцать лет после завоевания Иерусалима крестоносцами, но затем на нем возвели красивый алтарь из белого мрамора, где священники ежедневно служили обедню.

К югу от этой мусульманской святыни, там, где уходят вниз склоны горы Мориа, у стен современного Иерусалима стоит знаменитый христианский храм Богородицы, воздвигнутый императором Юстинианом. Внешний вид этого изумительного сооружения, каким оно дошло до наших дней, полностью подтверждает поразительное описание храма, данное Прокопием Кесарийским. Чтобы выровнять поверхность для постройки здания, – сообщает Прокопий – потребовалось в восточной и южной части горы возвести каменную стену, начинавшуюся в долине внизу, и соорудить обширное основание, частично из сплошного камня, а частично в виде арок и колонн. Камни были такой величины, что каждую глыбу нужно было перевозить в телеге, запряженной сорока сильнейшими быками императора, а чтобы обеспечить проход этим телегам, пришлось расширить дороги, ведущие в Иерусалим. Леса Ливана отдали прекраснейшие свои кедры для брусков кровли, и каменоломня, где добывали разноцветный мрамор, созданная в горах поблизости, обогатила здание великолепными мраморными колоннами¹². Внутренность этого интересного сооружения, которое все еще сохранилось в Иерусалиме, по прошествии более чем тринадцати веков, украшают шесть рядов колонн, соединенных арками, поддерживающие кедровые балки и брусья крыши; с торца к зданию пристроена круглая башня, увенчанная куполом. Отдельные глыбы, каменные стены и колоннада, поддерживающие юго-восточный угол платформы, на которой воздвигнута церковь, воистину удивительны, их еще можно видеть, если войти в маленькую дверцу и спуститься на несколько лестничных пролетов в юго-восточном ее конце. Рядом с храмом император соорудил странноприимные дома для путников, больных и нищих всех национальностей; фундаменты, сложенные из красивого римского камня, еще видны возле южной оконечности здания.

Когда Иерусалим захватили мусульмане, они превратили этот храм в мечеть, названную Джаме аль-Аска. Вместе с великим мусульманским храмом, построенным халифом Омаром, он был обнесен большой каменной стеной, которая окружает вершину горы Мориа и охраняет от праздного любопытства неверующих эту священную землю, на которой когда-то стоял пышный храм мудрейшего из царей¹³.

После того как город был взят крестоносцами, Джаме аль-Аска со всеми примыкающими к нему сооружениями стала собственностью иерусалимских королей, и Гийом Тирский называет ее «дворцом», или «королевским домом к югу от храма Господня, обычно называемым Храмом Соломона»¹⁴. Именно это здание на горе Мориа было предоставлено для нужд бедных рыцарей Иисуса Христа, поскольку у них не было *церкви* и собственного места для жилья, и от этого они получили свое имя Рыцарей Храма¹⁵.

Жак де Витри, епископ Акры, который оставил любопытные описания святых мест, так говорит о храме тамплиеров. «Кроме того, в Иерусалиме есть другой храм огромного размера и протяженности, от коего получило свое имя братство рыцарей Храма, и именуют его храмом

usque ad tempora praesentis, veniunt adorare. (...В этом месте, на скале, которую и поныне можно видеть в Храме, как говорят, перед Давидом предстал ангел. Храм Господень вызывал такое почтение у сарацин, что никто из них не отважился чем-либо его осквернить; но со времен Соломона и поныне приходили из далеких и уединенных общин ему поклоняться). – Jac. de Vitri., Hist. Hierosol. (Hist. Orient.), cap. 62, p. 1080.

¹² Procopius de aedificiis Justiniani, lib. V.

¹³ Фока считает, что все пространство вокруг этих сооружений было частью древнего храма En to a'rca...w dapedw toa peripnamou naou e/ ke...noЭ toa SXlomontoj qewroumenoj ... "Ezwqen de/ tou naou TMsti periau/lion mega liqTstwtion tT palaiXn, лј o-mai, tou megalou naou da/pedon. – Phocae descript. Terr. Sanc., cap. XIV., colon. 1653.

¹⁴ Quibus quoniam neque ecclesia erat, neque certum habebant domicilium, Rex in Palatio suo, quod secus Templum Domini ad australem habet partem, eis concessit habitaculum. – Will. Tyr., lib. XII, cap. 7. А в другом месте, рассказывая о Храме Гроба Господня, он пишет: Ab Austro vero domum habet Regiam, quae vulgari apellatione Templum Solomonis dicitur. – Ibid., lib. VIII, cap. 3.

¹⁵ Qui quoniam juxta Templum Domini, ut praediximus, in Palatio regio mansionem habent, fratres militiae Templi dicuntur. – Will. Tyr., lib. XII, cap. 7.

Соломона, возможно, для того, чтобы отличить его от описанного выше, того, который носит название Храма Господня»¹⁶. Он также рассказывает нам в своей «Истории Востока», что «в храме Господнем есть аббат и каноники; и да будет известно, что первый – это храм *Господень*, а второй – это храм *Рыцарства*. Те – *клирики*, а другие – *рыцари*»¹⁷.

Каноники храма Господня предоставили бедным рыцарям Иисуса Христа большой двор между их зданием и храмом Соломона; король, патриарх и прелаты Иерусалима, а также бароны Латинского королевства вручали им разнообразные дары и вознаграждения за их помощь и поддержку¹⁸, и теперь, имея постоянную резиденцию, рыцари ордена начали помышлять о расширении сферы деятельности и искать большего простора для совершения своих святых деяний.

Первоначально их целью была, как уже упоминалось выше, только защита бедных пилигримов на их пути туда и обратно, от морского побережья до Иерусалима¹⁹; но поскольку враждебные племена мусульман, окружавшие Латинское королевство, постепенно преодолевали тот обезоруживающий страх, в который их ввергли жестокость и военная мощь первых крестоносцев, и начинали действовать все более решительно и агрессивно, было решено, что благочестивые рыцари Храма должны, вдобавок к охране паломников, взять на себя защиту христианского Иерусалимского королевства, восточной церкви и всех святых мест.

Двумя самыми выдающимися членами братства были Гуго де Паэн и Жоффруа де Сент-Альдемар, или Сент-Омер, крестоносцы, сражавшиеся с большой отвагой и прославившиеся при осаде Иерусалима. Гуго де Паэна рыцари избрали главой нового религиозного и военного сообщества, присвоив ему титул «магистра Храма»; и поэтому его обычно называют основателем ордена.

Слава рыцарей-тамплиеров быстро распространилась по Европе, и многие именитые паломники с далекого запада стремились стать членами святого братства. Среди них был Фульк, граф Анжуйский, который вступил в сообщество как мирской брат (1120) и ежегодно предоставлял ордену тридцать фунтов серебра. Балдуин, король Иерусалима, понимая, какие выгоды сулит Латинскому королевству усиление этого сообщества воителей за веру, прилагал усилия к тому, чтобы распространить влияние ордена на весь христианский мир и при его участии подогреть религиозный пыл на западе, обеспечив своему трону и королевству поддержку отважных и воинственных народов Европы.

Святой Бернар, аббат Клерво, был большим почитателем тамплиеров. Он написал письмо графу Шампанскому, когда тот вступил в орден (1123), расценивая этот поступок как одну из величайших заслуг перед Господом. Балдуин решил использовать авторитет и могущество этого великого церковного деятеля на благо братства. «Приняв обеты бедности и послушания, отрешившись от всего мирского, отказавшись от церковных почестей, аббат Клерво стал европейским оракулом и основателем ста шестидесяти монастырей. Князья и прелаты трепетали от его свободных апостолических речений: Франция, Англия и Милан обратились к нему и повиновались его суждению во времена схизмы: долг был выплачен по милости Иннокентия II, а его преемник Евгений III был другом и учеником святого Бернара»²⁰.

¹⁶ Est praeterea Hierosolymis Templum aliud immensae quantitatis et amplitudinis, a quo fratres militiae Templi, Templarii nominantur, quod Templum Salomonis nuncupatur, forsitan ad distinctionem alterius quod specialiter Templum Domini appellatur. – Jac. de Vitruv., cap. 62.

¹⁷ In Templo Domini abbas est et canonici regulares, et sciendum est quod aliud est Templum Domini, aliud Templum Militiae. Isti clerici, illi milites. – Hist. Orient. Jac. de Vitruv. apud Thesaur. nov. anecd. Martene, tom. III, col. 277.

¹⁸ Will. Tyr., lib. XII, cap. 7.

¹⁹ Prima autem eorum professio quodque eis a domino Patriarcha et reliquis episcopis in remissionem peccatorum injunctum est, ut vias et itinera, ad salutem peregrinorum contra latronum et incursantium insidias, pro viribus conservarent – Will. Tyr., lib. XII, cap. 7.

²⁰ Gibbon.

К этому-то ученому и благочестивому прелату отправились двое рыцарей-тамплиеров со следующим посланием:

Балдуин, милостью Господа Иисуса Христа король Иерусалима и князь Антиохийский, достопочтенному отцу Бернару, аббату Клервоскому шлет привет и пожелания здоровья.

Братство Храма, которому Господь позволил возникнуть и кому своим особым провидением Он препоручил защиту этого королевства, желает получить от Святого престола благословение их ордена и особый устав, и потому решили мы послать к тебе двух рыцарей, Андре и Гондемара, мужей, известных как своей воинской доблестью, так и благородством происхождения, дабы они склонили Его Святейшество утвердить их орден и оказать нам помощь и поддержку в борьбе против врагов веры, кои объединились в своем желании уничтожить нас и захватить наши христианские земли.

Зная хорошо, сколь весомо твое посредничество в сношениях с Господом и его наместником на земле, а также с владыками Европы, мы сочли нужным доверить тебе эти два важных дела, успешный исход которых будет весьма приятен для нас. Устав, которого мы у тебя просим, должен быть так устроен и составлен, чтобы требования его можно было примирить с суетой военной жизни; он должен быть приемлем для христианских властителей и мил их сердцу.

Сделай же так, чтобы нам через твое посредство посчастливилось увидеть это важное дело приведенным к успешному завершению, и вознеси молитвы за нас²¹.

Вскоре после того, как указанное письмо было послано св. Бернару, Гуго де Паэн сам поехал в Рим в сопровождении Жоффруа де Сент-Альдемара и еще четырех членов ордена, а именно брата Паэна де Мондидье, брата Горалля, брата Жоффруа Бизо и брата Аршамбо де Сент-Амана. Их принял с большими почестями папа Гонорий, который всецело одобрил задачи и намерения святого братства. Св. Бернар со всей горячностью взялся за дело; он вел переговоры с папой, легатом и епископами Франции и добился созыва большого церковного собора в Труа (1128), на который были приглашены Гуго де Паэн и его соратники. На соборе присутствовали архиепископы, епископы и аббаты, в числе которых был и сам св. Бернар. Устав тамплиеров, написанный магистром, передали аббату Клервоскому дабы он пересмотрел и исправил эти установления и составил кодекс правил, которому будет подчиняться великое религиозное и военное братство храмовников.

²¹ Reg. Constit. et Privileg. Ordinis Cisterc., p. 447.

Глава II

Устав бедных рыцарей Христа и храма Соломонова²²²³.

Среди противоречий, каковые мы видим в устройстве этого мира, не на последнем месте стоит институт вооруженных монахов, бывших одновременно анахоретами и воинами.

Вольтер. «О нравах и духе народов»

«Устав бедных рыцарей Иисуса Христа и Храма Соломонова», составленный св. Бернаром и утвержденный высшими церковными иерархами на Соборе в Труа для регулирования деятельности монашеского и военного сообщества храмовников, являет собой религиозный кодекс самого строгого и сурового свойства. Он состоит из семидесяти двух глав и короткого пролога, обращенного «ко всем, кто желает действовать не по собственной воле, но с чистыми помыслами сражаться за высочайшего и истинного Владыку». В прологе содержится призыв надеть доспехи повиновения и предать себя с благочестием и смирением делу защиты святой церкви; проявлять искреннее рвение и твердость при исполнении своего священного долга, дабы разделить счастливую судьбу воинов, отдавших жизни за Христа.

Устав предписывает членам ордена строгое исполнение религиозных правил, умерщвление плоти, посты и молитвы, постоянное присутствие на заутренях, вечернях и всех церковных службах, «дабы быть освеженными и насытиться небесной пищей, обрести наставление и поддержку свыше, приобщившись к святым Таинствам»; храмовники не должны бояться битвы, но должны быть всегда готовыми к веницу. Если брат не может присутствовать на обычной службе, то он вместо заутрени должен прочесть не менее тринадцати раз «Отче наш», вместо ежечасной молитвы – семь, а вместо вечерни – девять. Если кто-то из тамплиеров находится при смерти, капелланы и священник должны собраться и отслужить торжественную мессу за спасение его души; другие братья должны провести ночь в молитвах и произнести сто раз «Отче наш» за усопшего брата. «Более того, – говорят святые отцы, – мы неуклонно предписываем вам, чтобы с божественной и самой нежной любовью вы ежедневно в течение сорока дней даровали беднякам столько мяса и питья, сколько полагалось умершему брату, пока он был жив». Члены ордена должны во всех случаях говорить кратко, носить простую и грубую одежду. Они должны проявлять щедрость и усердие в делах благотворительности и при раздаче милостыни, заботиться о больных и стариках и помогать им. Они могут получать письма от родителей, родственников и друзей только с разрешения магистра, а все подарки немедленно следует передавать магистру или казначею, чтобы тот использовал их по своему усмотрению. Более того, они не вправе принимать никакой помощи или службы от женщины, и им строго приказано избегать женских нежностей.

Многие параграфы этого устава представляют большой интерес, и будет уместно привести здесь некоторые фрагменты из него.

VIII. Желаем, чтобы в общей зале, или трапезной, вы принимали пищу совместно, и там, если ваша просьба не может быть выражена знаками, можно тихо и кротко сказать, чего вы хотите. Если требующаяся вам вещь не находится, вы должны искать ее со всей учтивостью и смирением, и почтением к сотоварищам, вспоминая слова апостола: «Ешь хлеб свой в безмолвии»²⁴,

²² Regula pauperum commilitonum Christi et templi Salomonis

²³ Chron. Cisterc. Albertus Miroeus. Brux. 1641. Manricus ad ann. 1128, cap. II. Act. Syn. Trec., tom. X, edit. Labb.

²⁴ Отсылка к 2 Фес. 3:12. – Прим. ред.

и, подражая псалмопевцу, который говорит: «Наложил я печать на уста мои»; а это означает: я решил не соблазнять своим языком; то есть я сомкнул свои уста, чтобы не говорить зла.

IX. За обедом и ужином пусть всегда читается Священное писание. Если мы любим Господа, мы должны стремиться к нему, и слушать со всем вниманием его благие слова и наставления.

X. Пусть будет вам достаточно питаться мясом три раза в неделю, кроме Рождества, или Пасхи, или Богородичного дня, или Дня Всех Святых.

<...> В воскресенье мы считаем подходящим и подобающим, чтобы рыцарям и капелланам подавались два мясных блюда. Но остальные: оруженосцы и слуги – пусть довольствуются одним и будут благодарны за это.

XI. Двое и еще двое должны обычно есть вместе, чтобы один мог смотреть за другим.

XII. Мы предписываем, чтобы на второй и четвертый день недели, а также по субботам, у вас было два или три блюда из бобов и других овощей; и тот, кто не может есть одно, пусть ест другое.

XIII. Но на шестой день (пятница) мы рекомендуем постную пищу, из уважения к Страстям Господним, каждому из вас, кроме больных, а со Дня Всех Святых до Пасхи нужно есть только раз в день, если не случается Рождество или Богородичный день, или праздник Апостолов, и тогда можно вкушать дважды, и так во все остальные дни, если нет великого поста.

XIV. После обеда и ужина мы строго повелеваем вознести благодарность Христу, подателю всего, со смиренным сердцем, в церкви, если она есть рядом, если же нет, то в том месте, где вы ели. Часть (от всякого вида пищи) нужно отдать с братской любовью слугам или беднякам. И так мы приказываем.

XV. Несмотря на то, что награда бедности, которая есть царствие небесное, без сомнения причитается бедным, мы повелеваем вам ежедневно подавать милостыню, отводя десятую часть вашего хлеба для подаяния, что христианская религия несомненно предписывает.

XVI. Когда солнце покидает восточную часть небосвода и садится на западе, по звону колокола или другому обычному сигналу вы все должны идти на повечерие; но мы советуем вам перед этим поужинать. Этот ужин мы оставляем на решение и суждение магистра, так что если ему угодно, вы будете пить воду, а если он прикажет, вы можете получить ее немного смешанную с вином, но не слишком обильно, а лишь умеренно, ибо мы видим, что и мудрые чахнут от вина.

XVII. Когда повечерие закончится, нужно идти ко сну. После того как братья выйдут из зала, не разрешается никому говорить громко без крайней необходимости. Но что бы ни было произнесено, это должно быть сказано вполголоса рыцарем своему оруженосцу. Возможно все же, что во время между молитвой и сном вам потребуется поговорить о том, о чем не представилось возможности поговорить днем – о военных делах или о состоянии вашего дома – с некоторыми братьями или с магистром, или с тем, кому поручено управление домом; и так мы приказываем, чтобы это делалось в соответствии с тем, что написано: «*При многословии не миновать греха*»²⁵, и в другом месте: «*Смерть и жизнь во власти языка*»²⁶. Помня сказанное,

²⁵ Притч. 10:19. – Прим. пер.

²⁶ Притч. 18:22. – Прим. пер.

мы строго запрещаем непристойность и празднословие, вызывающее смех, а когда ложитесь спать, если кто-либо среди вас произнесет глупое слово, мы предписываем ему со всем смирением и чистотой помыслов повторить молитву Господу.

XVIII. Мы не требуем, чтобы утомленные воины вставали к заутрене, как, очевидно, должны поступать остальные, но с согласия магистра или того, кому магистр передал такие полномочия, они могут отдохнуть; тем не менее им надлежит спеть тринадцать установленных молитв, так чтобы души их звучали в унисон с их голосами, по словам пророка: *«Пойте Господу»*, и вновь: *«Я буду петь в виду ангелов»*. Впрочем, это решение всегда должно быть оставляемо на усмотрение магистра.

<...>

XX. <...> Всем рыцарям, принесшим обеты, мы предписываем как зимой, так и летом, по возможности, носить белые одежды, дабы те, кто оставил темную жизнь, знали, что им следует посвятить себя Творцу путем жизни чистой и светлой. Ибо что есть белизна, как не совершенное целомудрие, а целомудрие есть сохранность души и здоровье тела. И если рыцарь не будет сохранять чистоту, он не достигнет вечного блаженства и не узрит Господа, как свидетельствует апостол Павел: *«Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа»*²⁷.

XXI. <...> Пусть все оруженосцы и слуги будут одеты в черные одежды, но если таковых нельзя будет найти в той провинции, где они живут, пусть все одеяния будут одного цвета и не слишком яркие, например, коричневые.

XXII. Никому не дозволяется носить белые одежды или иметь белые плащи, кроме вышеназванных рыцарей Христа.

XXIII. Мы решили на общем совете, что ни один брат не должен носить шкуры или плащи, или что-либо, что прикрывало бы тело зимой, даже сутаны, сделанные из шкур, кроме овчины.

<...>

²⁷ Евр. 12:14. – Прим. пер.

XXV. Если какой-либо брат решит, что по праву или из гордыни он может носить самую красивую или лучшую одежду, за это без сомнения он заслуживает самой худшей.

<...>

XXX. Каждому из рыцарей положено три лошади. Известная бедность Дома Господня и Храма Соломона в настоящее время не позволяет увеличивать это число, если не будет на то дозволения магистра.

XXXI. По тем же причинам мы позволяем каждому рыцарю только одного оруженосца; но если оруженосец служит рыцарю даром, из благочестия, то незаконно бранить его или бить за какую-либо провинность.

XXXII. Приказываем вам приобрести для всех рыцарей, желающих служить Христу в чистоте духа, лошадей, подходящих для их ежедневных дел и все, что нужно для исполнения их обязанностей. И мы сочли правильным и надлежащим, чтобы лошади были одной цены, и пусть цена будет записана, чтобы ее не забыли. И что бы ни понадобилось рыцарю, или его оруженосцу, или его коням, включая лошадиную сбрую, пусть это будет предоставлено ему тем же братством, в соответствии с возможностями этого братства. Если случится по несчастью, что рыцарь потеряет своих коней на службе, обязанность магистра и братства найти ему других; но когда это будет сделано, сам рыцарь из любви к Господу должен заплатить половину цены, остальное, если ему угодно, он может получить от братьев.

XXXIII. <...> Пусть все, что предписано магистром, или тем, кому магистр дал полномочия, исполняется без колебаний, как если бы это было предписано свыше; как сама истина изрекает: *«Услышав, он повиновался мне»*.

<...>

XXXV. <...> В походе, после того, как воинов разместили на постой, ни рыцарь, ни оруженосец, ни слуга не должны посещать жилище других рыцарей, чтобы повидаться с ними, или говорить с ними, без приказа старшего. Сверх того мы строго приказываем, чтобы в этом братстве, посвященном Господу, никто не объявлял войны, не заключал мира по своей собственной свободной воле, но полностью склонился перед волей Магистра, следуя словам Господа, сказавшего: *«Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца»*²⁸.

<...>

XXXVII. Мы не желаем, чтобы золото или серебро, которое есть знак личного богатства, было видно когда-либо на ваших уздечках, нагрудниках или шпорах, и не позволительно никому из братьев покупать нечто подобное. Если же такие вещи будут пожертвованы вам, золото и серебро должны быть так окрашены, чтобы их блеск и красота не могли придать носящему их видимость превосходства над другими.

<...>

XL. Сундуки с замками и ключами не дозволены, и никто не может их иметь без разрешения магистра или того, кому магистр поручил управление братством. Но этот запрет не распространяется на приоров (прецепторов) различных провинций и самого магистра.

XLI. Никоим образом не разрешается никому из братьев получать письма от родителей или от другого человека или посылать письма без

²⁸ Ин. 6:38. – Прим. пер.

разрешения магистра или настоятеля. После того, как разрешение получено, письмо должно быть прочитано в присутствии магистра, если он того пожелает. Если же что бы то ни было будет передано кому-то из братьев его родителями, пусть он не получает переданного, не поставив в известность магистра. Но это правило не распространяется на магистра и настоятелей.

XLII. Поскольку всякое празднословие, как известно, порождает грех, что могут те, кто кичится своими проступками, сказать перед верховным Судией? Пророк мудро учит, что если нам следует хранить молчание и воздерживаться ради этого от добрых речей, сколь старательно должны мы воздерживаться от злых слов, дабы избежать наказания за грехи. Мы запрещаем и решительно осуждаем все беседы о безумствах и проступках, в которых кто-либо из братьев был повинен в миру, или в военных делах, пусть никто не говорит об этом ни со своим братом, ни с иным человеком. Не дозволяется никому говорить со своими братьями о проступках других людей, или о плотских наслаждениях, доставляемых ничтожными женщинами; и если кто случайно услышит, как другие беседуют о таких предметах, пусть заставит их замолчать, или же скорыми шагами послушания отойдет от них как можно быстрее и не склоняет ухо сердца своего к торговцу праздными рассказами.

XLIII. Если дар будет вручен кому-либо из братьев, пусть он передаст его магистру или казначею. Если же его друг или родственник согласится передать ему дар только на условии, что он использует его сам, он не должен принимать подношение без разрешения магистра. И кто бы ни получил подарок, пусть он не огорчается, если его передадут другому. Более того, пусть он твердо знает, что разгневавшись от этого, он восстает против Господа.

<...>

XLVI. Мы все полагаем, что ни один из вас не смел предаваться такому занятию, как ловля одной птицы с помощью другой: ибо не подобает вам предаваться земным наслаждениям, но следует слушать заповеди Господни, постоянно преклонять колени в молитве и ежедневно исповедоваться в грехах перед Господом со вздохами и слезами. Пусть ни один из братьев по указанным выше причинам не смеет сопровождать человека, охотящегося с соколом или любой другой птицей.

XLVII. Поскольку подобает братьям вести себя скромно и смиренно без смеха и говорить мало, но искренне, и негромко, мы особенно указываем и повелеваем всем посвященным братьям, чтобы они не стреляли в лесах ни из лука, ни из арбалета; и по той же причине чтобы они не смели сопровождать другого, кто будет это делать, если только это не потребуется для защиты его от козней неверных; и пусть он не смеет охотиться с собаками, или прищипывать коня ради того, чтобы выиграть скачку.

<...>

LI. По божественному изволению, как мы верим, новое установление было принесено вами в святые места, а именно объединение воинского дела с религией, так что эта религия, будучи вооруженной, пролагает себе путь мечом и поражает врага без греха. Поэтому мы твердо признаем: с тех пор как вас наименовали рыцарями Храма за ваши заслуги и благочестие, вам следует владеть землями и людьми, и владеть слугами и справедливо управлять ими, и обычные службы должны быть предоставлены вам.

LII. Прежде всего, самая большая забота должна быть о больных братьях, и пусть их нужды исполняются так, как если бы сам Христос был страдальцем,

держа в уме благословенные слова Евангелия: «Был я болен, и вы посетили меня»²⁹. За ними надо воистину бережно и внимательно ходить, ибо тем достигается царствие небесное.

LIII. Мы предписываем тем, кто заботится о больных, со всем вниманием и с самой преданной заботой усердно и преданно предоставлять им все, что необходимо при их различных недугах, в соответствии с возможностями братства, в частности мясо и птицу и прочее, пока они не поправятся.

<...>

LV. Мы дозволяем принимать в братство женатых мужей, если таковой пожелает вступить; пусть он и его жена даруют ордену после смерти соответствующую часть собственности и все, что они приобретут после вступления в орден; а в остальное время пусть они ведут честную жизнь и трудятся для блага братьев; но им не разрешается носить белые одежды и белые плащи. Если муж умрет первым, он должен свою часть наследных владений и собственности завещать братству, а жена пусть живет на свое наследство и пусть она отбудет немедленно; ибо мы считаем неподобающим, чтобы такие женщины оставались в одном доме с братьями, которые дали Господу обет целомудрия.

LVI. И еще более опасно допускать, чтобы сестры разделяли с вами ваше святое призвание, ибо древний враг многих совратил с пути истинного через общение с женщинами; и поэтому, дорогие братья, дабы цветок праведности мог всегда цвести среди вас, пусть с этим обыкновением отныне будет покончено.

<...>

LVIII. Если какой-либо рыцарь из числа губящих свою душу или какой-либо мирянин пожелает отказаться от мира и избрать вашу жизнь и сообщество, не следует немедленно принимать его. Повелите ему, согласно словам святого Павла: «Докажи, что дух твой от Господа»³⁰, и если так, то позвольте ему вступить. После этого в его присутствии пусть будет прочитан устав; и если он смиренно согласится соблюдать предписания, тогда, если угодно магистру и братьям принять его, пусть братьев созовут вместе и он оповестит их чистосердечно о своем желании и просьбе ко всем. Срок испытания определяется магистром в зависимости от того, насколько праведную жизнь вел просящий прежде.

LIX. Мы позволяем созывать каждый раз для совещания не всех братьев, но только тех, кого магистр считает предусмотрительными и способными дать совет; кроме тех случаев, когда рассматриваются важные дела, такие, как пожалование земель братству, или когда обсуждаемое дело непосредственно касается ордена в целом, или при приеме новых членов. Тогда с дозволения магистра созывается все братство и после того как будет выслушано мнение капитула, принимается то решение, которое магистр сочтет лучшим и наиболее полезным.

<...>

LXII. Хотя наставления святых отцов предполагают приобщение детей к монашеской жизни, однако мы не позволяем вам брать на себя подобное бремя, но тот, кто великодушно желает ввести собственного сына или

²⁹ Мф. 25:36. – *Прим. пер.*

³⁰ По-видимому, перефразированное «Разве не знаете, что... Дух Божий живет в вас?» (1 Кор. 3:16.). – *Прим. ред.*

родственника в ряды военного монашеского братства, пусть воспитывает его, пока тот не достигнет возраста, когда сможет с оружием в руках доблестно изгонять врагов Христовых из Святой земли. Тогда, в соответствии с нашим уставом, пусть отец или родители приведут его к братьям и пусть он открыто перед всеми заявит о своем желании. Ибо лучше не приносить обет в детстве, иначе впоследствии, став взрослым, человек может полностью отречься от него.

LXIII. Надлежит вам поддерживать с благочестивым рвением всех стариков в их болезнях и слабости, и почитать их, и пусть не будет им отказано в том, что необходимо для их тела, но с соблюдением устава.

LXIV. Братья, путешествующие по разным провинциям, должны соблюдать устав, насколько это возможно, в пище и питье, и пусть они выполняют его и в других делах и живут безупречно, чтобы снискать себе доброе имя за пределами дома. Пусть они не порочат свою религиозную цель ни словом, ни деянием; пусть они являют всем, с кем они будут общаться, пример мудрости и упорства в добрых делах. Пусть они останавливаются на ночлег у самых почтенных людей и пусть дом, где они расположились в эту ночь, не остается без огня, дабы темный враг (от которого Господь хранит нас) не нашел некоей лазейки. Но если они услышат, что не отлученные рыцари, собрались где-то вместе, мы приказываем им поспешить туда, заботясь не о своей временной выгоде, но о вечном спасении души.

<...>

LXVII. Если кто-либо из братьев согрешит в речах, или битве, или допустит иную незначительную оплошность, пусть он добровольно признает свою ошибку перед магистром во искупление грехов. Если обычаем не предусмотрено некоего традиционного наказания за небольшие прегрешения, пусть будет легкое покаяние; но если провинившийся умолчит о проступке и о нем станет известно при посредстве кого-то иного, наказание и искупление должны быть более суровыми. Если же проступок тяжел, пусть виновник будет отлучен от братства и пусть он не ест со всеми за одним столом, а питается отдельно. Его судьба отдается на суд и распоряжение магистра, чтобы душа его могла спастись в день Страшного суда.

LXVIII. Но в первую очередь следует заботиться о том, чтобы ни один из братьев, здоровый или больной, сильный или слабый, желающий возвеличить себя, возгордившийся своими заслугами или упорствующий в своем заблуждении, не остался безнаказанным. Если он выказывает намерение исправиться, пусть предпишут ему еще более строгое искупление; но если посредством благочестивых увещаний и чистосердечными рассуждениями не удастся склонить его к исправлению, и он продолжает упорствовать в своей гордыне, пусть он будет изгнан, во исполнение слов апостола: «*отвращайтесь зла*»³¹. Изгоните из общества благочестивых братьев паршивую овцу. Но пусть магистр, который «должен держать посох и розгу в руке своей» – посох, которым он может поддерживать слабых, и розги, которыми он может с праведным гневом бичевать пороки заблудших, – научится, советуясь с патриархом и по собственной духовной прозорливости, действовать так, как говорит блаженный Максим: не поощрять грешника мягкостью и не укреплять его в его пороках неумеренной строгостью...

³¹ Рим. 12:9. – Прим. пер.

<...>

LXXI. Ссор, оскорблений, злобы, сплетен, клеветы, злословия мы велим вам, по заповедям Господа, избегать, и бежать этого, как чумы. Поэтому пусть каждый из вас, дорогие братья, старается не злословить за спиной брата своего и не обвинять его, но пусть он прилежно размышляет над словами апостола: *«чтобы не найти у вас... ссор, клевет, ябед»*³². Но если он знает точно, что его брат обидел его, пусть он вежливо и с братской добротой упрекнет его наедине, во исполнение заповеди Господней; а если тот его не услышит, пусть приведет к нему другого брата, и если тот не прислушается к обоим, пусть его порицают на общем собрании перед всеми. Ибо те наиболее слепы, кто не старается ревностно беречься от зла и становится жертвой древних козней коварного врага.

Последнее. Мы считаем опасным для всех клириков смотреть в лицо женщинам, и поэтому никто из братьев не должен целовать ни вдову, ни деву, ни мать, ни сестру, ни тетку, ни какую-либо другую женщину. Пусть рыцарство Христово остерегается женских лобзаний, через посредство которых мужчины очень часто подвергались опасности, чтобы каждый из них, с чистой совестью, оградив свою жизнь от тревог, мог следовать неуклонно по стезе Господней³³.

Когда этот устав был утвержден папской буллой, Гуго де Паэн поехал во Францию, а оттуда – в Англию, и в Англо-саксонской хронике о его прибытии сообщается следующим образом:

«В том же году (1128) Гуго Храмовник прибыл из Иерусалима к королю Нормандии, и король принял его с большими почестями, и дал ему многие сокровища золотом и серебром, а после этого он послал его в Англию, и там он был принят всеми добрыми людьми, и все давали ему сокровища, и в Шотландии также, и послали большое количество золота и серебра через него в Иерусалим, и туда отправились с ним и вслед за ним столько людей, как не бывало со дней папы Урбана»³⁴. Тогда же Гуго де Паэну и его братству были пожалованы земли и деньги, некоторые из этих дарений были вскоре утверждены королем Стефаном при его восшествии на трон (1135). В числе прочего тамплиеры получили манор Бистлсхэм, переданный им графом Робертом Феррарским, и церковь в Лангефорде в Бедфордшире, пожалованную Симоном де Вахуллом и его женой Сибиллой, и их сыном Уолтером.

Гуго де Паэн, прежде чем уехать, назначил главу ордена в Англии; этот рыцарь именовался приором Храма и считался наместником магистра. Он должен был управлять землями, пожертвованными братству, и передавать доходы в Иерусалим. Он также имел право принимать новых членов в орден, под надзором магистра, и должен был находить способы отправить новобранцев на Восток, где они могли исполнить свой обет. Когда число братств в Англии увеличилось, стали назначаться младшие прецепторы, а глава ордена в стране с этого времени именовался главным прецептором, а позднее – магистром Храма.

Многие замечательные рыцари из лучших аристократических родов Европы стремились принести обет и облачиться в белые одеяния, но как бы ни был высок их ранг, их не принимали в орден, пока они не доказывали своим поведением, что достойны этого. Так, когда Гуго Амбуазский, который третировал жителей Мармутье несправедливыми поборами и отказался подчиниться судебному решению графа Анжуйского, пожелал вступить в орден, Гуго де Паэн отказался принять его обет, потребовав, чтобы он смирил себя, отказался от своих претензий

³² 2 Кор. 12:20. – *Прим. пер.*

³³ Ego Joannes Michaelensis, praesentis paginae, jussu consilii ac venerabilis abbatis Claraevallensis, cui creditum ac debitum hoc fuit, humilis scriba esse, divina gratia merui. – Chron. Cisterc. ut sup.

³⁴ См. также: Hoveden apud X script., p. 479. Hen. Hunting. ibid., p. 384.

и возместил все убытки тем, кого обидел³⁵. Более того, кандидат перед вступлением должен был компенсировать весь ущерб, нанесенный им ранее церквям, а также общественной или частной собственности.

Удивительный энтузиазм возник во всем христианском мире в отношении тамплиеров; князья и знать, государи и их подданные соперничали в дарах и пожалованиях им, и редко завещание аристократа обходилось без статьи в их пользу. Многие известные лица на смертном одре давали обет, чтобы быть похороненными в орденском облачении; и государи, оставляя управление королевствами, вступали в святое братство и завещали свои владения магистру и братству тамплиеров.

Так Раймунд Беренгарий, граф Барселоны и Прованса, в преклонном возрасте отрекшись от престола и оставив все свои регалии, предстал перед братством барселонских тамплиеров и принес обет (1130) перед братом Гуго де Риго, приором. Поскольку его немощи не позволяли ему явиться лично в главную резиденцию ордена в Иерусалиме, он послал туда большие суммы денег и, затворившись в маленькой келье в Барселоне, неустанно исполнял все религиозные предписания тамплиерского устава до самой смерти³⁶. В том же году император Лотарь даровал ордену значительную часть своих наследственных владений в Супплинбурге; а годом позднее (1131) Альфонсо I, король Наварры и Арагона, также носивший титул императора Испании, один из прославленнейших воинов своего времени, провозгласил рыцарей Храма наследниками короны Наварры и Арагона, и за несколько часов до смерти заставил большинство баронов обоих королевств утвердить и подписать это распоряжение. Юридическая сила документа, однако, вызывала сомнения, и наваррская знать сумела отстоять свои права от притязаний тамплиеров; в Арагоне, однако, они, согласно достигнутому соглашению, получили земли и замки, а также значительную долю налогов и пошлин, взимавшихся в королевстве, и контрибуции, получаемой от мавров³⁷.

Чтобы усилить поддержку тамплиеров и в дальнейшем укрепить их ряды лучшими и храбрейшими европейскими рыцарями, св. Бернар по просьбе Гуго де Паэна³⁸ берется за перо в их интересах. В знаменитом рассуждении «Похвала новому рыцарству» святой аббат восхваляет в красноречивых и ярких выражениях духовные преимущества, которыми пользуются рыцари-монахи ордена Храма перед всеми остальными воинами. Он рисует захватывающую картину, сопоставляя положение светских воинов и воинов *Христа*, и показывает, сколь отличаются в глазах Господа кровопролитие и убийство, творимые первыми, от тех, что совершают вторые.

Это необычное сочинение написано с большим подъемом; оно адресовано «Гуго, рыцарю Христа и магистру рыцарства Христова», состоит из четырнадцати частей, или глав, и начинается коротким вступлением. Оно весьма любопытно как наглядное свидетельство умонастроения тех времен, и некоторые наиболее показательные его фрагменты представляют для нас интерес.

Святой аббат проводит сравнение между мирским воином и воином Христа – *светским* и *религиозным* воителем.

Всякий раз, когда ты, ведущий мирскую войну, бросаешься в схватку,
берегись того, что если ты поражаешь тело врага, он тем самым поражает

³⁵ Annales Benedictini, tom. VI, p. 166.

³⁶ Histoire de Languedoc, lib. XVII, p. 407.

³⁷ Hist. de l'Eglise de Gandersheim. Mariana de rebus Hispaniae, lib. X, cap. 15, 17, 18. Zurita anales de la corona de Aragon, tom. I, lib. I, cap. 52. Quarita, tom. I, lib. II, cap. 4.

³⁸ Semel et secundo, et tertio, ni fallor, petiisti a me. Hugo carissime, ut tibi tuisque commilitonibus scriberem exhortationis sermonem, et adversus hostilem tyrannidem, quia lanceam non liceret, stilum vibrarem. (Если не ошибаюсь, не раз и не два просил ты меня, любезнейший Гуго, чтобы я словами поддержал тебя и твоих соратников против врагов ваших, ибо, копьем не владея, использую как оружие стило.) Exhortatio S. Bernardi ad Milites Templi, ed. Mabillon. Parisiis, 1839, tom. I, col. 1253–1278.

твою душу, если же он берет верх, он губит тебя одновременно телесно и духовно. Воистину, по сердечному настрою, а не по событиям битвы следует оценивать угрозу для христианина или его победу. Если, сражаясь с желанием убить другого, ты будешь сам убит, то умрешь убийцей; если же одержишь победу и из-за желания подчинить или отомстить убьешь человека, ты будешь жить убийцей... О, злосчастная победа, когда, сокрушая врага, ты впадаешь в грех, и гнев или гордыня овладевают тобой, и тщетно ты торжествуешь над побежденным.

Что же тогда является плодом этой мирской, я не скажу *militia* (войны), но *malitia* (злодеяния), если убийца совершает смертный грех, а убитый погибает навеки? Истинно, как говорил апостол, «кто пашет, должен пахать с надеждою, и кто молотит, должен молотить с надеждою получить ожидаемое». Как же, о воины, совершается эта столь ужасная ошибка? Какое недопустимое безумие – вести войну такой великой ценой и трудами и получать в награду лишь смерть или преступление? Вы покрываете коней шелковыми попонами, и множество дорогих одежд прикрывают ваши тела под кольчугами. Вы расписываете свои копья, щиты и седла; ваши стремяна и шпоры украшены золотом, серебром и драгоценными камнями, и со всей этой пышностью, с постыдным бешенством и безрассудною бесчувственностью вы мчитесь навстречу смерти. Воинские ли то отличия, или женские украшения? Разве отточенный вражеский меч остановится перед золотом, пощадит драгоценности, не сможет прорвать шелковые одежды? Наконец, как вы часто убеждались на своем опыте, три качества существенно необходимы для успеха в сражении: воин должен, например, быть смелым, деятельным и осмотрительным; быстрым в беге, метким в ударе; вы же, – внушая отвращение взорам, – ухаживаете за своими волосами, подобно женщинам, вы закрываете ноги длинными и развевающимися одеждами, вы прячете свои мягкие и нежные руки в пышные и широкие рукава. Воистину, ничто не вызывает у вас желания воевать или бросаться в битву, кроме неразумного гневного порыва или безумной жажды славы, или алчного желания завладеть чужими землями и собственностью. В таких случаях одинаково губительно, убивать или быть убитым...

III. Но воины Христовы спокойно сражаются в битвах за Господа своего, не боясь согрешить убийством своего врага, и не опасаясь собственной смерти. Когда смерть воистину послана или получена от Христа, в ней нет преступления, но многая слава...

А сейчас для примера или к посрамлению наших воинов, сражающихся не за Бога, но за дьявола, мы коротко опишем образ жизни рыцарей Христовых, как он на войне и в монастыре, и сими средствами будет ясно явлено, насколько воинство Господне и воинство мирское отличаются друг от друга... Воины Христа живут совместно в согласии, но в скромности, без жен и детей; и дабы нечего более было желать для достижения евангельского совершенства, они живут вместе без какой бы то ни было собственности³⁹, одним братством, по одному уставу, заботясь о сохранении единства духа в оковах мира. Можно сказать, что у всего сообщества одно сердце и одна душа, ибо ни один из них не следует собственной воле или желанию, но с усердием исполняет волю магистра. Они никогда не пребывают в праздности

³⁹ Т. е. без личной собственности.

и не слоняются бесцельно, но в свободное от битв время, чтобы не есть хлеб свой даром, они чистят и чинят свое вооружение и одежду или занимаются тем, чего желает магистр или что необходимо для общих нужд. Среди них нет различий; почитаются самые лучшие и добродетельные, а не самые знатные. Они делят славу и бремя, и так исполняют заповеди Христовы. Оскорбительные выражения, пустая болтовня, неумеренный смех, случайно вырвавшийся шепот или бормотание сурово осуждаются. Они отвергают карты и кости, сторонятся турниров и не находят удовольствия в той смехотворной ловле птиц (соколиной охоте), которую мужчины охотно себе позволяют. Шутов, предсказателей, сказочников, суетные песни, представления и игры они сурово отвергают и осуждают как суету и человеческое безумие. Они коротко стригут волосы, зная, что, по словам апостола, не подобает мужчинам носить длинные волосы⁴⁰. Они никогда не причесываются, редко моются, но ходят обычно с всклокоченными волосами, покрытые пылью, и их кожа потемнела от солнца, как и их кольчуги.

Более того, когда грядет битва, они защищают себя верой изнутри и сталью снаружи, а не золотом, так что вооруженные, а не украшенные, они могут наводить ужас на врага, а не пробуждать в нем жажду добычи. Они стремятся получить сильных и резвых лошадей, а не украшенных вычурной попоной и сбруей, ибо думают о битве и победе, а не о пышности и яркости, и стараются внушать страх, а не восхищение...

Таких избрал Господь для себя и собрал вместе как своих слуг со всех концов земли, из храбрейших сынов Израиля, тех, кто смело и благочестиво хранит Гроб Господень, вооруженных мечами и самых сведущих в искусстве войны...

«О Храме»

Подлинный Храм в Иерусалиме – Храм, в котором они живут вместе, не столь величественный, правда, как древний и знаменитый храм Соломона, но не менее прославленный. Ибо все величие Соломонова Храма заключалось в бранных вещах, в золоте и серебре, в резном камне и во множестве сортов дерева; но красота Храма нынешнего заключена в преданности Господу его членов и их образцовой жизни. Тот вызывал восхищение своими внешними красотами, этот почитается из-за своих добродетелей и святых деяний, и так утверждается святость дома Господня, ибо гладкость мрамора не столь угодна Ему, как праведное поведение, и Он печется больше о чистоте умов, а не о позолоте стен. Фасад этого Храма украшен оружием, а не драгоценностями, а стены, вместо древних золотых капителей, прикрыты щитами. Вместо древних светильников, курильниц и чаш повсюду мы видим упряжь, седла и копья, и понимаем, что воины столь же пылко радеют за дом Господень, как их великий Предводитель, когда, охваченный гневом, он вошел в Храм и святейшей своей дланью, вооруженной не сталью, а бичом, сплетенным из тонких ремней, изгнал торговцев, вышвырнул менял и опрокинул столы тех, кто продавал голубей, и сурово осудил осквернение дома молитвы, который сделали вертепом разбойников.

Преданное воинство Христово, вдохновленное примером владыки своего, полагая, что неверные присутствием своим еще более нечестиво и

⁴⁰ Не сама ли природа учит вас, что если муж растит волосы, то это бесчестье для него (1 Кор. 11:14). – *Прим. ред.*

бесстыдно оскверняют святые места, нежели торговцы, живут в священном доме с конями и с оружием, и когда отсюда и из всех других святых мест будет изгнано мерзкое и дьявольское безумие неверия, они смогут заниматься денно и нощно почетными и полезными трудами. Они соперничают в оказании почестей Храму прилежными и чистосердечными дарами, принося жертвы с постоянным благочестием, но не скот по примеру древних, а мирные жертвы братской любви, преданного повиновения, добровольной бедности.

Все это совершается постоянно в Иерусалиме, и мир пробуждается, острова слышат, и народы обращают свои взоры к нему издалека...

Далее св. Бернар поздравляет Иерусалим с пришествием воинства Христова и провозглашает, что святой город возрадуется дважды, освободившись от своих угнетателей, безбожников, разбойников, богохульников, убийц, клятвопреступников, льстецов; и получив благочестивых защитников и нежных утешителей, под опекой которых «возрадуется Сион, и воспоют дочери Иудейские».

Возрадуйся, Иерусалим, по словам пророка Исаяи, и знай, что время пришло. Восстань же, отряхни прах свой, о дева плененная, дочь Сиона; восстань, говорю я, и стой превыше сильных, и воззри на блаженство, которое входит в тебя от Господа. Не будут уже называть тебя «оставленным», и землю твою не будут более называть «пустынею»⁴¹... Возведи очи твои и смотри вокруг: все они собираются, идут к тебе⁴². Это помощь, посланная тебе от Всевышнего. Ныне, ныне через них исполнится древнее пророчество. «Я соделаю тебя величием на веки, радостью в роды родов»⁴³.

Восстань же, святейший город, освященный престолом Всевышнего! Восстань, город Великого Царя, где столько прекрасных и удивительных чудес вечно свершались. Восстань, Госпожа народов, повелительница провинций, вотчина патриархов, мать пророков и апостолов, источник веры, слава христианского народа, на пути к которой Господь всегда приготавливал испытания, дабы храбрые могли явить свою добродетель и заслужить спасение. Восстань, Земля Обетованная, что ранее текла молоком и медом для живущих в тебе, а ныне дарует пищу и спасение всему миру. Прекрасная и счастливая земля, говорю я, принявшая небесное зерно из тайников отцовского сердца в плодоносное лоно свое, произвела такой богатый урожай мучеников из небесного семени, и ее плодородная почва породила тридцатикратно, шестидесятикратно и стократно плоды в поколениях верующих во всем мире. Потому более всего напитаются и преисполнятся твоими радостями те, кто видел тебя рассыпающей повсюду вокруг них */вычеркнуто/*, память о твоём безудержном цветении, и они говорят о величии твоей славы во всех уголках земли тем, кто не видел тебя, и рассказывают о чудесах, творившихся в тебе.

Славные вещи говорят о тебе, град Господень!

⁴¹ Ис. 62:4. – Прим. пер.

⁴² Ис. 60:4. – Прим. пер.

⁴³ Ис. 60:15. – Прим. пер.

Глава III

Гуго де Паэн возвращается в Палестину

*Мы слышали тесибир; как арабы называют
Свой воинственный клич, когда с громким криком
Они взывают к небесам, словно требуя победы⁴⁴.*

Гуго де Паэн, заложив в Европе основание великого монашеского и военного ордена тамплиеров, которому вскоре суждено было распространить свое влияние в отдаленнейшие уголки христианского мира, возвратился в Палестину во главе доблестного отряда новообразованных рыцарей, родом большей частью из Англии и Франции.

По прибытии в Иерусалим их принял с большими почестями король, церковные иерархи и бароны Латинского королевства, после чего состоялся большой совет, на котором при участии Гуго де Паэна были выработаны различные меры по расширению и защите христианских земель.

Но Гуго де Паэн умер вскоре после возвращения, и ему наследовал (1136) лорд Роберт, прозванный Бургундцем (приемный сын Ансельма, архиепископа Кентерберийского), который после смерти жены вступил в орден тамплиеров⁴⁵. Он был смелым и искусным военачальником⁴⁶, но отчаянных усилия его и его воинствующих монахов оказалось недостаточно для того, чтобы спасти гибнущее Латинское королевство.

Яростный религиозный дух и воинственность мусульман был возгорелся вновь с появлением на сцене Занги и его сына Нуреддина, двух самых знаменитых военных предводителей того времени. Последователи Магомета считали, что именно эти двое смогут отомстить за дело пророка и вернуть под светскую и религиозную власть халифа утраченный Иерусалим и все святые места, столь глубоко чтимые мусульманами. Одного из военачальников называли Эмод-эд-дин, «Столп веры», а другого – Нур-эд-дин, «Свет веры», в просторечии Нуреддин. Тамплиеры потерпели поражение от превосходящих сил противника в нескольких битвах; и в одной из них пал доблестный брат Одо де Монфокон⁴⁷. Эмод-эд-дин взял Тензу, Эстарель, Хизам, Хесн-аррук, Хесн-Коллис и т. д., и завершил свою победоносную карьеру завоеванием важного города Эдессы. Нуреддин последовал по стопам отца: он захватил крепости Арлен, Мамула, Басафон, Кафарлата и сокрушил в жестокой схватке молодого Жослена де Куртене, предпринявшего отчаянную попытку вернуть себе Эдессу⁴⁸. Латинское Иерусалимское королевство рушилось, и восточные прелаты в тревоге обратились к папе с просьбой о помощи. Папа в свою очередь призвал Бернара Клервоского, чтобы тот провозгласил второй крестовый поход.

⁴⁴ We heard the *tesbit*, so the Arabs call
Their shouts of onset, when with loud appeal
They challenge *heaven*, as if demanding
conquest.

⁴⁵ Will. Tyr., lib. XIII, cap. 26; Anselmus, lib. III epistolarum. epist. 43, 63, 66, 67; Duchesne in Hist. Burg., lib. IV, cap. 37.

⁴⁶ Miles eximius et in armis strenuus, nobilis carne et moribus, dominus Robertus cognomine Burgundio Magister militiae Templi. (Рыцарь превосходный, доблестный в битвах, отмеченный наружностью и нравом благородными, сеньор Роберт по прозванию Бургундский, магистр рыцарей Храма.) – Will. Tyr., lib. XV, cap. 6.

⁴⁷ Vir eximius frater militiae Templi Otto de Monte Falconis, omnes de morte sua moerore et gemitu conficiens, occisus est. – Will. Tyr., lib. XV, cap. 6.

⁴⁸ Abulfeda, ad ann. Hegir. 534, 539. – Will. Tyr., lib. XVI, cap. 4, 5, 7, 15, 16. Abulpharag (Abulpharadge). Chron. Syr., p. 326, 328. Will. Tyr., lib. XVI, cap. 14.

К тому времени (1146) лорда Роберта сменил на посту магистр Эввар де Бар, приор Франции, который создал генеральный капитул ордена в Париже. На этом собрании присутствовал папа Евгений III, король Франции Людовик VII, а также высокопоставленные клирики, светские правители и представители аристократических семейств со всех концов христианского мира. Так был организован второй крестовый поход, и тамплиеры, с согласия папы, сделали алый крест (символ мученичества) отличительным знаком ордена, который следовало носить на одежде и плаще с левой стороны груди возле сердца; поэтому впоследствии они стали известны под именем Красных братьев и Рыцарей красного креста⁴⁹.

Одновременно тамплиерам были поднесены различные дары, чтобы они использовали их для защиты Святой земли. Бернар Балиол, во имя любви к Господу и во спасение своей души, пожаловал им свое поместье Уэдли в Хертфордшире, которое впоследствии стало частью владений Темпл-Диннсли. Как указано в документе, сам акт дарения был совершен во время капитула, собравшегося на пасху в Париже, в присутствии папы, короля Франции, нескольких архиепископов и ста тридцати тамплиеров, облаченных в белые плащи⁵⁰. Незадолго до этого герцоги Бретани и Лоррена и графы Брабанта и Фуркалькьера также пожаловали ордену различные земли и поместья; во всех частях Европы богатство и мощь тамплиеров продолжали неуклонно расти⁵¹.

Брат Эввар де Бар, вновьизбранный магистр тамплиеров, собрав вместе всех рыцарей из западных провинций, под знаменами французского короля Людовика отправился с крестоносцами в Палестину.

Во время перехода через Малую Азию тылы христианской армии защищали тамплиеры, во всех делах проявлявшие себя с самой лучшей стороны. Одо из Дея, капеллан короля Людовика и его постоянный спутник в этом походе, сообщает нам, что королю нравились умеренность и простота тамплиеров и он охотно подражал им; Людовик восхвалял их сплоченность и бескорыстие братьев; восхищался тем, как они заботятся о своем вооружении: он считал, что они должны служить образцом для остальной армии, и на военном совете был оглашен приказ всем воинам и командирам примкнуть к братству тамплиеров и подчиняться их приказаниям⁵².

Германский император Конрад вслед за Людовиком отправился на Восток во главе мощной армии. Его войско на севере Азии было разбито неверными; он бежал в Константинополь и оттуда на торговом судне отплыл в Иерусалим всего с несколькими спутниками. Он был тепло принят тамплиерами и жил в Храме⁵³. Вскоре после этого в Иерусалим прибыл король Людовик в сопровождении нового магистра ордена, Эввара де Бара; и тамплиеры впервые раз-

⁴⁹ Odo de Diogilo, p. 33. – Will. Tyr., lib. XII, cap. 7; Jac. de Vitruv., cap. 65; Paul. Aemil., p. 254; Dugdale Monast. Angl., vol. VII, p. 814.

⁵⁰ In nomine sanctae et individuae Trinitatis omnibus dominis et amicis suis, et Sanctae Dei ecclesiae filiis, Bernardus de Baliolo Salutem. Volo notum fieri omnibus tam futuris quam praesentibus, quod pro dilectione Dei et pro salute animae meae, antecessorumque meorum fratribus militibus de Templo Salomonis dedi et concessi Wedelee etc. ... Hoc donum in capitulo, quod in Octavis Paschae Parisiis fuit feci, domino apostolico Eugenio praesente, et ipso rege Franciae et archiepiscopo Seuver, et Bardell et Rothomagi, et Frascumme, et fratribus militibus Templi alba chlamide indutis cxxx praesentibus. (Во имя святой и единой Троицы, господину и другу, сыну Церкви Господней, Бернарду де Балиолу – приветствие. Довожу до общего сведения, ныне и в будущем, что из любви к Господу и ради спасенья своей души и душ моих предков, я передал Уэдли и др. братьям-рыцарям Храма Соломонова. При этом дарении в капитуле, собравшемся в Париже на восьмой день Пасхи, присутствовали папа Евгений, и король Франции, и архиепископ Севера, и Барделя, и Ротомажа, и 130 братьев-тамплиеров в белых одеяниях). – Reg. Cart. S. Joh. Jerus. in Bib. Cotton. Nero E.B. № XX. fo. 118.

⁵¹ Gallia Christiana nova, tom. I, col. 486.

⁵² Odo de Diogilo de Ludov. VII profectio in Orientem, p. 67.

⁵³ Rex per aliquot dies in Palatio Templariorum, ubi olim Regia Domus, quae et Templum Salomonis constructa fuit manens, et sancta ubique loca peragrans, per Samariam ad Galilaeam Ptolemaidam rediit... Convenerant enim cum rege militibusque Templi, circa proximum Julium, in Syriam ad expugnationem Damasci exercitum ducere. (Король, проведя несколько дней в резиденции тамплиеров, в том месте, где некогда был построен Дом Господа, иначе, Храм Соломонов, и полностью эту святыню осмотрев, вернулся через Птолемиады Галилейские в Самарию... Ибо собиравшись король и рыцари Храма в июне отправиться в военных поход в Сирию на завоевание Дамаска). – Otto Frising., cap. 58.

вернули на поле битвы знамя с алым крестом. Это было белое знамя, сделанное из шерстяной ткани, а в центре его помещался алый крест, знак, пожалованный папой Евгением. Два монарха, Людовик и Конрад, при поддержке тамплиеров выиграли сражение и начали осаду Дамаска, «царицы Сирии». Этот великолепный город оборонял Нуреддин, «Свет религии», и его брат Саиф-эд-дин, «Меч веры».

Заслуги тамплиеров с благодарностью перечислены в нижеследующем письме, посланном королем Людовиком его министру и наместнику, знаменитому Сугеру, аббату Сен-Дени.

Людовик, Божьей милостью король Франции и Аквитании, – своему возлюбленному и вернейшему другу Сугеру, достопочтеннейшему аббату Сен-Дени, – здоровья и наилучшие пожелания.

...Я не могу представить себе, как бы мы выжили хоть мгновение в этих местах без их (тамплиеров) поддержки и помощи, которой они не оставляли меня с того первого дня, когда я ступил на эту землю, и до сего часа, когда я отправляю это письмо, помощи, предоставлявшейся умело и великодушно. Я поэтому искренне прошу тебя, братья храмовники ранее снискавшие благословение Божие, ныне нашли радость и опору в нашей любви и милости.

Я должен сообщить тебе, что они ссудили мне большую сумму денег, которую надо вернуть им незамедлительно, дабы орден их понес убытки и во исполнение моего слова⁵⁴...

Среди английской знати, участвовавшей во втором крестовом походе, были двое прославленных воинов, Роджер де Моубрей и Уильям де Варренн⁵⁵. Роджер де Моубрей один из самых могущественных и воинственных английских баронов, участвовал в знаменитой битве штандартов. Он отправился с королем Людовиком в Палестину; сражался под стягами тамплиеров против неверных и, восхищенный благочестием и смелостью воинов ордена, даровал им по возвращении в Англию много ценных земель и поместий. В их число входили маноры Килби и Уитли, земли на острове Аксхольм, городок Балшалл в графстве Уорвик и различные владения в Йоркшире; столь богатыми были эти дары, что тамплиеры пожаловали английскому барону и его наследникам особую привилегию: когда указанный Роджер или его наследники встретят любого члена ордена, подвергнутого публичному наказанию в соответствии с уставом и обычаями тамплиеров, они имеют право освободить такого рыцаря от наказания, без вмешательства и возражений со стороны любого другого члена ордена⁵⁶

⁵⁴ Ludovici regis ad abbatem Sugerium epist. 58. – Duchesne hist. franc. scrip., tom. IV, p. 512, см. также epist. 59 ibid.

⁵⁵ Simeonis Dunelmensis hist. ad ann. 1148, apud X script.

⁵⁶ Dugdale Baronage, tom. I, p. 122; Dugd. Monast. Angl., vol. VII, p. 836.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.